

Илья Голенищевъ-Кутузовъ

ПАМЯТЬ

ПАРАБОЛА

1935

Ізяславу Мванову

А помню царсiвeннe мiтo,
Прохладу римской ночи, Дeнь
Вo силнiтi юга, вo сeлiтi свiтiа,
Нещeдрнiхъ пинiи) сонъ и тiнiа
На Via Appia. Казансь

(Вo Риблiагeтнoмъ мiнiтi,
Сiтo прoщaнe мiлeнiа вo мит,
И сe дудуцимъ отъ сeбe вo сe
Вo бездeлнoмъ мiнi. И шлeсe

Кeузнaннe прoзвучeнi,
И сiтiмъ зeрнiннe глaзe,
И дiтi рукi вoзвучeнi
Двiнeнiя крeпкeнe.

Стoлiнoмъ сoткeн,
Егдe зe мiнi пo сiтeвeт,
Ихe скoбывaннe.

(Вo зeлeнeннe мiнi)
— Оми тiтaмъ нe сeрeт —

Благу вѣтъ услышалъ я
На башнѣ въ часъ ночного буженя,
И получилъ благословенне
Для творческаго дѣян.

Казалось — падаеъ зѣвца
И вѣнчѣтъ тѣмныхъ, мертвыхъ снѣгъ,
И вижу вѣтви мнѣ Зевеса,
Отца поэтовъ и боговъ.

Мнѣ Талеминъ Рубинъ

Римъ
1928

Библгородъ
1935

Илья Голенищевъ-Кутузовъ

ПАМЯТЬ

СТИХИ

ПРЕДИСЛОВІЕ НАПИСАЛЪ

ВЯЧЕСЛАВЪ ИВАНОВЪ

ПАРАБОЛА

1935

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Благожелательное напутствіе стараго поэта молодому (вѣдь въ нынѣшней быстрой смѣнѣ литературныхъ поколѣній Гумилевъ, наша погибшая великая надежда, годился бы ему чуть не въ отцы, а пишущій эти строки, почитай, въ дѣды, будь мы только другъ другу родней, а не просто земляками по баснословному краю, по тридевятому царству Жарь-Птицы и Сѣраго Волка, откуда всѣ трое родомъ) — это сердечное напутствіе, провозглашая передъ людьми вѣру старика въ молодую силу, отнюдь не указываетъ, однако, на тѣснѣйшую, непосредственную связь художественнаго преемства. Во избѣжаніе недоразумѣній, полезнымъ кажется мнѣ предупредить, что Илья Николаевичъ Голенищевъ-Кутузовъ вовсе не мой ученикъ (какъ не былъ моимъ ученикомъ и покойный Валеріанъ Бородаевскій, чей самобытный даръ я отмѣтилъ и пытался опредѣлить въ предисловіи къ его первому сборнику, — что, кстати сказать, не мало повредило ему на журнальной биржѣ поэтическихъ цѣнностей, королемъ которой въ то время

быль мой другъ и антагонистъ, Валерій Брюсовъ).
Итакъ, мы не связаны другъ съ другомъ взаимною
порукой и не отвѣчаемъ: я — за недовершенство
того или другого изъ этихъ первыхъ и сильныхъ
созданій художника, по своему складу взыскательна-
го и строгаго, но еще не довольно опытнаго, онъ —
за грѣхи моего личнаго мастерства и наставничества.
Мало того: мой мнительный слухъ не улавливаетъ
въ этихъ стихахъ, къ великому облегченію моей со-
вѣсти, и косвенныхъ уликъ моего общаго литератур-
наго вліянія. Вообще же съ преданіемъ — какъ вет-
химъ, такъ и свѣжимъ, — молодой поэтъ весело и
открыто дружить: что и естественно, потому что со-
временная русская поэзія, подобно эллинству пред-
христіанской поры, выработала общій гостепріимный
языкъ. И не уменьшаетъ его самостоятельности, а,
напротивъ, ярче ее обнаруживаетъ и увѣреннѣе
утверждаетъ свободная многоотзывность его музы-
ки, преломляющей въ себѣ, по внутреннему своему
закону, звуковой строй не только завѣтныхъ пѣсень
нашего Баянова вѣка, но и «былинъ сего време-
ни». Внушеній Блока, впрочемъ, на рѣдкость мало,
несмотря на романтическую стихію изучаемой лири-
ки. Если уже допытываться, чьи пѣсни глубже всего
запали нашему поэту въ душу, чтобы процвѣсть изъ
нея своеобразными цвѣтами, я назвалъ бы не Тют-
чева и Баратынскаго, глаголы которыхъ звучатъ въ

ней какъ дальній колоколь, ни даже Пушкина, его плѣвившаго бѣлымъ стихомъ своихъ раздумій, но Лермонтова, а изъ новѣйшихъ поэтовъ того же Гумилева, связаннаго въ свою очередь съ Лермонтовымъ глубокою и таинственною связью.

Что же до возможныхъ случайныхъ отголосковъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ органическому росту и генеалогіи творчества (отыщеть ли ихъ какой-нибудь знатокъ по этой части, я не знаю и не любопытствую), то если бы къ самоцвѣтной раковинѣ и прилипли кое-гдѣ волокна сосѣдней подводной флоры, не это существенно, а то, что приложивъ раковину къ уху, услышишь въ ней шумъ моря: о, конечно, вѣковѣчнаго русскаго моря! Это чувствованіе въ себѣ родовой стихіи (оно-же и его «родовая тоска») поэтъ именуетъ памятью. И правъ онъ, не въ умозрѣніи, а въ душевномъ опытѣ различая память отъ воспоминаній. «Не говори о страшномъ, о родномъ, не возмущай мои тысячелѣтья», — это не о воспоминаніяхъ сказано, чей огонекъ, какъ и сама жизнь, «мерцаетъ тускlostью свѣчи въ резверзшіяся мириады»: сказано это о памяти. Она священна, «вѣчною» зоветъ ее Церковь; воспоминанія же, зыбучими призраками тумана встаютъ они между душой и ея недвижною памятью. Память укрѣпляетъ и раститъ душу: воспоминанія сладкою грустью ее разнѣживаютъ, чаще жестоко и безплодно терзаютъ.

Но воспоминаній у пѣвца Памяти мало. Что вспоминается ему? Запахъ русской земли, осеннія сторожкія сумерки, да усадьба — «деревянный ампиръ» (и слово-то книжное, недавно ставшее ходкимъ) въ старинномъ саду съ великолѣпно (но только вчера) найденными Парками, прядущими тонкую пряжу по желтымъ куртинамъ. Или вотъ еще благочестиво сбереженный вѣеръ, — но про него и вспомнить нечего, кромѣ семейнаго преданія, что завезенъ былъ онъ изъ дальнихъ странствій, съ востока; поэтому все, что спѣлось надъ нимъ, придумано, и очень красиво придумано: къ «тихоглаголющимъ фонтанамъ» за прадѣда или прапрадѣда, путешественника, впервые прислушался его поздній потомокъ, не видѣвшій своими глазами ни «дремлющаго Тегерана», ни даже, быть можетъ, самого крылечка въ саратовской деревнѣ, съ котораго непосѣдливый помѣщикъ, въ думѣхъ объ урожаѣ, глядѣлъ когда-то на медленно желтѣющую за службами полосу поля. Другое дѣло — чудесные перекопскіе лиманы; но это уже воспоминаніе не дѣдовскаго жилья, а скитальческаго становья... Итакъ — немолчный голось памяти въ глубинѣ духа, при скудости чувственныхъ воспоминаній. Отсюда можетъ рождаться, въ свѣтлыя, умудренныя и примиренныя мгновенія, музыкальная печаль, «чистая» и «легкая», «какъ пецла горсть», и непрерывно, ежечасно долженъ расцвѣтатъ — «болѣз-

ненно-яркій, волшебной-нѣмой» сонъ фантазіи: такъ внутреннее зрѣніе озаряетъ душу слѣпца.

Эти размышленія — мое вглядываніе въ лицо поэта. Всмотриваться я принужденъ: ибо, хотя и уловилъ съ перваго взгляда его «необщее выраженье», молодыя черты все-же не сложились до вполнѣ отчетливой выразительности, не опредѣлились окончательно. Другими словами: начальная (она же и послѣдняя!) задача всякаго лирическаго поэта, задача выявить духовное лицо свое въ его существенной единственности и потому всеобщей значимости, разумѣется, — да и какъ могло бы быть иначе? — еще далеко не выполнена. Это не значитъ, однако, что напѣвность Голенищева-Кутузова все еще трудно отличить въ ея своеобразіи на состязаніи пѣвцовъ. Легко уже и теперь узнать ее, — а — узнавъ, нельзя ни съ другими смѣшать, ни забыть, — по многимъ ея особенностямъ: и по скатному жемчугу его элегическихъ бѣлыхъ іамбовъ (въ которые такъ устало переливается рассказанная поэтомъ Дюрерова Меланхолія, какъ будто и риѣма столь же не нужная стала безнадежному духу, какъ покинутые рѣзецъ и циркуль) и по грустно-мечтательной, порою сивиллински жуткой мелодіи его сербскихъ трохеевъ, особенно же по сжатымъ губамъ, по заглушенному крику, по нѣмотному жесту его трагизма («будь гробомъ и простымъ и чернымъ среди повапленныхъ гро-

бовъ») и по своеобразной, лихорадочной смѣси его тоски, проходящей всю гамму отъ той чистой и легкой печали надъ горстью пепла до мрачнаго унынія («кто скажетъ мертвому: спиши?»), — съ бодрствующей настороженностью препоясанной по чресламъ воли, будто все ждущей, какъ молніи, которая должна сжечь и возродить его, какого-то знаменія, чьего-то тайнаго зова. Но онъ не меланхолическій Гамлетъ. напрашивающійся у судьбы на несоизмѣримый съ его духовнымъ закономъ, на духовно непосильный ему подвигъ. Правда, и его «разумъ мѣритъ вседневный обманъ», но онъ знаетъ, что недостаточно обличить ложь или зло жизни, что требуется собственное внутреннее овладѣніе истиной. Внутренній законъ, уже чуемый въ душѣ, какъ рѣяніе серафима, долженъ открыться влачащемуся въ пустынь мрачной, блуждающему по темному лѣсу въявь, направить его путь и руководить его дѣйствіемъ. И не самосильнымъ домысломъ можно извлечь изъ своего глухо проростающаго навстрѣчу ему сознанія этотъ законъ, ибо «отъ себя вы не можете творить ничего», но это будетъ дѣломъ благодати.

Шестикрылая мучитъ душа
Безнадежно двурукое тѣло...
Разумъ мѣритъ вседневный обманъ;
Проростаетъ сознаніе глухо.

Только знаю — придетъ Іоаннъ,
Переставитъ свѣтильники духа.

Въ захлестнувшемъ міръ потопѣ безпамятства не стараго дѣйствія хочетъ отъ жертвъ возмездья и сыновъ новаго обѣтованія Память, а напоминающей вѣсти, нашептанной Утѣшителемъ, Духомъ Истины. И пока не сложилось въ духѣ новое слово, заградитель-ангелъ, который все снится поэту, не опуститъ пламеннаго мѣча. Кому дано много, съ того много и спросится; дѣло же идетъ о духовномъ самоопредѣленіи новой Россіи. Вѣрность отцамъ — вѣчная о нихъ память — повелѣваетъ не вторить имъ и множить ихъ ошибки, но исправить и восполнить ихъ дѣло: возвратъ на старую колею — вотъ измѣна. Постинѣ, строки мои — напутствіе: далекій (но кто измѣритъ, какая часть его уже пройдена?) указанъ поэту путь — до самого себя...

Мнѣ, художнику, нравится его нынѣшній поэтический міръ, гадательный, предсолнечный, озаренный утреннею звѣздой; мнѣ нравится эта сумеречная расплывчатость смутныхъ, какъ бы еще движущихся очертаній; мнѣ почти хотѣлось бы задержать наступленіе дня и «продлить очарованіе»... И все-же есть что-то жуткое и требующее солнечнаго расколдованія въ этой игрѣ неразрѣшенныхъ возможностей, въ этомъ сговорѣ яви съ утренними снами. Что значитъ

эта рѣющая, двоящаяся мечта-дѣйствительность? О чемъ свидѣлствуютъ эти глухіе стоны изъ сокровеннаго лабиринта души?.. Я продолжаю взгляды-ваться въ лицо поэта.

Кажется мнѣ, что родился пѣвецъ Памяти съ душою, открыто и довѣрчиво обращенной къ волшебному богатству Божьяго міра: жизни не хватитъ, чтобы надивиться на него вдоволь въ умномъ веселіи и все, что ни есть въ немъ, облюбовать и возславить. Но съ дѣтства Miss Destiny, черствая и деспотическая nurse, стояла у дверей влекущаго въ свои просторы свѣтлаго міра, какъ ангелъ съ пламеннымъ мечомъ. Судьба разрушила благодатную безпечность души и сдѣлала все, что могла (но не все, видимо, она могла!), дабы превратить «наивнаго поэта» въ человѣка, «обращеннаго вовнутрь себя», какъ говорятъ современные психологи. Поэтической мощи эта обращенность вовнутрь не уменьшаетъ, — скорѣе, развиваетъ ее, — но типъ поэзіи существенно видоизмѣняетъ. Его Россія, изъятая изъ его поля зрѣнія, стала для него «внутреннимъ опытомъ», предметомъ мистической вѣры и почти потусторонней надежды; память объ ней — «вѣчною памятью», провозглашаемою въ чинѣ погребенія. Возлюбленная Рахиль закуталась въ непроницаемое покрывало, похожее на саванъ. Правда, скинула зато фату съ ослѣпительнаго лица «перворожденная Лія»; но поэтъ не можетъ,

не хочет любить ее. Здѣсь требуется, впрочемъ, оговорка: по существу онъ любитъ Западъ всею страстью русскаго духа, насильственно отлученнаго вѣками отъ другой своей и единосущной половины. Но предметъ этой любви не тотъ полу-выродившійся Западъ, что предстоитъ русскому поэту въ его современномъ воплощеніи. Иной, истинный образъ Ли, изначальной сестры Рахилиной, встаетъ въ его духѣ и уводитъ его за собой — опять прочь отъ чувственнаго явленія, опять во внутренній его міръ, гдѣ посѣтятъ его тѣни Данта, Св. Бернарда, средневѣковыхъ повѣрій. Между тѣмъ Miss Destiny, рѣшается побаловать и развеселить слишкомъ уже призадумавшагося и притихшаго воспитанника: она развертываетъ передъ нимъ плѣнительныя панорамы полуденныхъ береговъ, гдѣ подъ рокоть Адриатики гармонически дружатъ итальянская и южно-славянскія старина. Напрасно: воспитанникъ воспринимаетъ любимыя видѣнія, какъ поверхъ сознанья скользящіе сны, тогда какъ его сущая явь не внѣ его свѣтитъ, а творится въ глубинахъ духа. Изначала замкнутый посторонними силами въ себѣ, духъ изъ себя изводитъ свой самобытный міръ: съ нимъ онъ играетъ, по нему гадаетъ, имъ ворожитъ .

Мой островъ скуденъ и затерянъ,
Но полонъ вѣщихъ голосовъ:

Пиѳійскихъ дымчатыхъ разсѣлинъ,
Надъ безднами встающихъ сновъ.

Устремленность воли, натянутой въ разлукѣ съ завѣтнымъ какъ тетива лука, налагаетъ этотъ свой мѣръ на мѣръ данный, который оказывается въ нѣкоторой мѣрѣ уступчивымъ, проницаемымъ и пластическимъ. Романтика образовъ (какъ это было и съ Гумилевымъ) утрачиваетъ характеръ несбыточности и обращается въ магическую дѣйствительность... Но Miss Destiny, бодрствуетъ и, по мѣрѣ надобности, сметаетъ паутины предутреннихъ чаръ — пламеннымъ мечомъ.

Какое испытаніе мощи духа — эта жизнь внѣ жизни! Но, думается, русская душа выдержитъ и это испытаніе, выживетъ — для жизни въ жизни. Смѣлѣе-жь, и съ Богомъ въ дальнѣйшій путь, объ руку съ правдивою чаровательницей, въ быль обращающей небывалое, вѣрною Пѣсней —

Чадамъ боговъ посохъ изгнанья легокъ,
Новой любви расцвѣтшій тирсъ!

Вячеславъ Ивановъ.

Павія, 24 августа 1931 г.

I

ПЕПЕЛЬ.

Какъ пепла горсть чиста моя печаль,
Какъ пепла горсть легка.
Тоскъ тщедушной болѣе внимать
Я не хочу,
Ни воплямъ изступленнымъ
Отчаянья,
На блѣдному похмѣлью
Сомнѣнія.
Довольно. Претворилась —
И на протянутыхъ моихъ ладоняхъ
Жемчужный пепель
Вижу,
Пепель дымный.
О вѣтеръ подневольный,
Развѣй души моей свободный даръ.
И въ чашахъ,
Осеннихъ, легкошумныхъ чашахъ,
И въ полѣ чистомъ, и на кручахъ дымныхъ
Возстанутъ призраки испепеленныхъ лѣтъ,
Безпамятныхъ летеискихъ береговъ,
И скрытые приснятся людямъ сны,
Печальные и легкіе...

СТАНСЫ.

Екатеринѣ Тауберъ.

Нѣтъ, не повторный ладъ и не заемный кладъ
Въ печальныхъ звукахъ юношескихъ пѣсень.
Мы знаемъ — каждый вѣкъ по-новому богатъ,
И каждый мигъ по-новому чудесень.

Остались юнымъ намъ, игравшимъ межъ гробовъ
Въ тѣ безпризорно-смутныя години
Отъ смертоноснаго наслѣдія отцовъ,
Лишь горестныя раннія сѣдины.

И если встрѣтили мы нашъ желѣзный вѣкъ
Не царственно-ущербнымъ — *Morituri!*
И, пьяные тоской, у Вавилонскихъ рѣкъ.
Не проклинали сіяніе лазури,

Лишь потому, что есть всему конецъ,
И времени, и смерти, и забвенью,
Что за чертою тонкою мертвецъ
Облечься долженъ плотью воскресенья.

ПРОВАЛЬ ВЪ ПЯТИГОРСКЪ.

Да, будетъ годъ, Россіи черный годъ.

М. Лермонтовъ.

Сей годъ насталь: о, горестный поэтъ,
Твой взоръ проникъ во тьму грядущихъ лѣтъ,
Твой стихъ пронзилъ мнѣ сердце, какъ кинжалъ;
Я тѣнь твою въ пустыняхъ горныхъ звалъ.
Въ успокоенія предательскіе дни
Тотъ край я посѣтилъ. Замри, усни
Въ моей душѣ, о, голосъ мертвыхъ бурь,
Не возмущай воскресшую лазурь.
Но въ странномъ городѣ, въ тѣни пяти вершинъ,
Казалось мнѣ — ты здѣсь, я не одинъ,
Казалось мнѣ — лечу съ отвѣсныхъ скалъ,
Меня страшилъ обычный всѣмъ проваль.
И чья-то тѣнь вставала на пути,
И до него я не посмѣлъ дойти.

Бѣжитъ ковыль, трепещутъ травы,
Струится тишь, лишь вдалекѣ
Лиманы, зыбкіе какъ лавы,
Застыли солью на пескѣ.

Какъ будто ни войны, ни смуты,
Здѣсь вѣтръ не рыскалъ никогда,
И тѣ же солнечныя пути
Связуютъ сонныя года.

И мнится тамъ, за той юдолюю,
Гдѣ духъ въ цѣпяхъ степной тоски,
Идутъ за перекопской солью
Украинскіе чумаки.

Такъ жизни всѣмъ обличья скудны,
И такъ повторень бредъ души.
Пусть сердце дремлетъ непробудно.
Кто скажетъ мертвому — спиши?

Древній помѣщичій садъ,
Звукъ отдаленной свирѣли.
Тихій въ душѣ ароматъ
Яблочной прѣли.

Въ заросляхъ стынущій прудъ.
Рыбы, уснувшія въ тинѣ.
Тонкую пряжу прядутъ
Царки на желтой куртинѣ.

Памяти легкихъ шаговъ
Музыка въ сердцѣ слабѣетъ.
Съ опустошенныхъ луговъ
Вѣтеръ медлительный вѣетъ.

Вспомни, вернись и взгляни:
Дремлетъ ампиръ деревянный.
Первоначальные дни
Юности странной...

Только въ изгнаньи моемъ
Раны перстами закрою.
Полнится дней водоемъ
Облачной, мутной водою.

Н. А. Поццо-Тургеневой.

Все тѣ же сны во тьмѣ пресуществленья
Связуютъ скорбный духъ.
Узнаю вновь смертельныя боренья
И призраки разрухъ,

Твоихъ путей, грядущая Россія,
И зной, и хладъ, и пыль.
Перворожденная мнѣ чужда вѣчно Лія,
Мила одна Рахиль.

Торжественную, избранную скудость
Возлюбленныхъ полей
Какъ позабыть? Къ чему иная мудрость?
Иныхъ земель елей!

Меня тоска сжигаетъ родовая,
И путь окольный — пусть.
О, да не минетъ чаша роковая
Усталыхъ устъ!

НОННЫ.

... Въ вечерней тишинѣ
Являлась ты веселою старушкой
И надо мной сидѣла въ шушунѣ.
А. Пушкинѣ.

1.

Веселою старушкой въ шушунѣ,
Съ монистами и звонкой погремушкой
Мнѣ муза не являлась въ тишинѣ
И пѣсенъ мнѣ не пѣла. Надъ подушкой
Склоняя космы пасмурныхъ сѣдинъ,
Не забавляла пестрою игрушкой.
Въ провалахъ мрака плакалъ я одинъ.
И лишь порой являлись два видѣнья,
Средь лживой яви первыя прозрѣнья.

2.

Miss Destiny, тебѣ ли я внималъ?
Ты въ душныхъ комнатахъ меня взрастила;
И былъ мой мѣръ, тобой стѣсненный, малъ.
Такъ дѣтство миновало. Ты твердила
Нотаціи. И я примѣрнымъ сталъ.
Моя душа смирилась и почила,
Глядя на свѣтъ сквозь мутный твой кристалль.
Лишь въ глубинѣ души струились пѣсни,
Подземныхъ водъ звучнѣе и безвѣстнѣй.

3.

Когда жь подь вечерь утомлялась ты
И надь пасьянсомъ — гробъ Наполеона —
Дремала, въ охлажденные сады
Я убѣгалъ. У дѣдовскаго клена
Созданье странное я находилъ.
Меня томили грустью затаенной
Ея уста. Съ волненьемъ я ловилъ
Музыку словъ, ихъ смыслъ не понимая,
Но имъ однимъ душою всей внимая.

4.

И часто въ тишинѣ старинныхъ залъ,
Гдѣ меркнутъ важныхъ прадедовъ портреты,
За колоннадой бѣлою встрѣчалъ
Строптивую воспитанницу Леты.
Романтики полузабвенный вздоръ
Ей былъ отраденъ. Позабывъ запреты,
Я длить нашъ вдохновенный разговоръ.
Но Аргуса слыша гласъ трескучій,
Она скрывалась поступью летучей.

5.

Видѣнія, томившія меня,
Опять, опять встрѣчаю ваши взоры.
Закатъ грядетъ, и меркнетъ пламя дня,
И сумерки крадутся, словно воры.
Эрато нѣжная, зову тебя!
Постылые заводитъ разговоры,
Иль дремлетъ въ креслахъ древняя Судьба.
Идутъ часы, какъ старики, чредою,
Согбенные медлительной тоскою.

ОСЕНЬ.

Отраднa тишина скудѣющихъ полей.
Беззвучной музыкѣ природа тайно внемлетъ.
Въ гробу невидимомъ изъ ясныхъ хрусталей
Душа усталая покоится и дремлетъ.

Уединенія нарушивъ строгій строй,
Звучать мои шаги. И кажется все проще;
И снится давнимъ сномъ. Привычною тропой
Иду къ рѣдѣющей, златисто-рдяной рошѣ.

Полубезпамятство. Прохлада. Пустота.
Лишь напряженнѣе въ дремотѣ ощущенья.
И сердце разорветъ случайнаго листа
Едва примѣтное, чуть слышное паденье.

ДАЛМАТИНСКІЙ ЦИКЛЪ.

1.

ВЪЕРЪ.

Я давно не вѣдаю услады.
Дни изгнанья, чѣмъ васъ помянуть?
Повторяю пѣсенные лады,
Позабывъ мой безотрадный путь.

Утихаетъ вѣтеръ изъ Сахары,
На зубахъ еще хруститъ песокъ.
Сонный городъ, призрачный и старый.
Забываетъ пламенный Востокъ.

Все синѣй покорный сонъ Ядрана *).
Безнадежнѣй кручи голыхъ горъ.
И душа раскрылась, словно рана,
И туманнѣй утомленный взоръ.

*) Адриатическое море.

— Я съ моей тоской одна на свѣтѣ.
— О, душа, не сѣгуй, не спѣши,
Видишь вѣрѣ, бабушекъ наслѣдье,
Изъ саратовской глуши.

Нѣкогда, какъ баловень чембарскій,
Въ Персію богатую влекомъ
Прихотью или хандрою барской,
Предокъ мой покинулъ мирный домъ.

И въ сапфирныхъ небесахъ высоко
Запылалъ надъ нимъ златой Коранъ —
Онъ узналъ томленія Востока,
Жаръ и нѣгу осіянныхъ странъ,

И тоску, и трепеть каравановъ,
И базаровъ суету и лѣнь,
И тихоглаголющихъ фонтановъ
Влажную и радужную сѣнь...

Выйти бы на шаткое крылечко,
Угадать, какъ всколосится рожь —
Предъ глазами узкая насѣчка
И дамасской стали дрожь...

Въ темной лавкѣ, гдѣ такъ звонки плиты,
Гдѣ тревожны мускусъ и сандалъ,
Сто тумановъ важному шіту,
Вѣрно, онъ за этотъ вѣеръ даль,

Чтобъ среди сугробовъ и мятелей
Колыхались пальмы и цвѣты,
За муслиновой дымкой пестрѣли
Солнцемъ упоенные сады.

Кто пойметъ наслѣдье родовое?
Принимаю каждый малый даръ.
Въ каждой каплѣ зелье роковое,
Въ каждой искрѣ буйствуетъ пожаръ.

Можетъ быть, душа и не слыхала,
То, чего нельзя вовѣкъ забыть.
Вѣетъ, вѣетъ кладомъ опухало —
Иль не пѣть, не чувствовать, не быть.

2.

ЭЛЕГИЯ.

Непобѣдимая Армада облаковъ
Плыветъ торжественно надъ Адріей ночью,
Надъ безнадежностью безлюдныхъ острововъ,
Надъ этой жесткою и голою скалою.

Пусть легендарныхъ звѣздъ давно угасшій свѣтъ,
Мерцающій серебритъ гордыню смутныхъ палубъ,
Я потерялъ давно надежды первыхъ лѣтъ,
И сердцу скорбному не надо вѣщихъ жалобъ.

Къ чему стремишься ты, строптивая душа?
Иль, снова возмущаясь, верховной ищешь власти?
Зачѣмъ твой скрытый взоръ, волнуясь и спѣша,
Стремится разгадать мелькающія снасти?

Онъ — видѣнія томительнаго сна.
О, пристальнѣй взгляни, ихъ стройный очеркъ
таетъ.

Лишь чуткой ошупью незрячая луна
По соннымъ берегамъ, безсонная, блуждаетъ.

3.

ПОСЛѢ ГРОЗЫ ВЪ ДУБРОВНИКѢ.

Гроза прошла. Лишь на морѣ, вдали,
Еще вскипаютъ горькія пучины
И брызжутъ пѣной, сокрушить не въ силахъ
Стѣнъ византійскихъ сѣрое кольцо.
И ветхій Городъ на утесахъ черныхъ
Все такъ же дремлетъ, и сквозь дрему слышитъ
Романскихъ колоколенъ тихій звонъ.
Еще душа исполнена стенаній
Вѣтровъ грозящихъ и строптивыхъ волнъ
И ужасомъ рокочущаго грома;
Еще тревожны въ ней воспоминанья
Всѣхъ опьяненій, буйствъ и мятежей.

Тамъ волны бились и мрачилась твердь,
И черный смерчъ порывисто крутился,
Какъ дервишъ изступленный, возомнивъ
Небесное съ земнымъ соединить,
И блѣдный парусъ судорожно бился,
И кормчій гибнулъ...

Сквозь виноградный, трепетный покровъ
Гляжу я внизъ, съ террасы вознесенной,
На зыбкій склонъ, оливами покрытый,
На облака, на голыя вершины
Безплодныхъ горъ, гдѣ лѣнятся лишь сосны,
Зеленя и рыжія, какъ косы
Наядь приморья и нагорныхъ виль. *)
Гляжу вокругъ, и сердце бьется ровно.
Святится тишь; уединенье благо.
Да, миновали ярости стихіи,
И радость ущѣлѣвшихъ совершеннѣй.

Онъ устоялъ, мой стройный кипарисъ,
Убогаго жилища сторожъ вѣрный,
Окрестъ всѣхъ выше, и стоитъ омытый,

*) Вила — горная волшебница (ореада) въ сказаніяхъ южныхъ славянъ.

Въ лазури просвѣтленной торжествуя,
Лишь содрогается отъ капель тяжкихъ,
Иль дуновенья стихнувшихъ вѣтровъ.
Такъ суждено. И радостно мнѣ думать,
Что я одинъ стою предъ безконечнымъ,
Гдѣ возрасти мнѣ Рокъ опредѣлилъ,
Какъ этотъ кипарисъ, и содрогаюсь
Отъ трепета смирившейся стихіи,
Иль шелеста и шопота подземныхъ
Ключей и душъ, со мною сопряженныхъ,
И молча жду губительныхъ перуновъ,
Чтобъ молніей одѣлся плѣнный духъ,
И въ преисподнюю, огнемъ проникнулъ,
И снова вспыхнулъ беззакатнымъ Солнцемъ.

4.

ЦИРЦЕЯ.

Стенанья сираго сирокко,
Да хищный крикъ приморскихъ птицъ,
И тягость избраннаго рока,
И это море — безъ границъ.

Мой островъ скудень и затерянъ,
Но полонъ вѣщихъ голосовъ:
Пиѳейскихъ, дымчатыхъ разсѣлинъ,
Надъ безднами встающихъ сновъ.

Своею волею окованъ,
Безбрежность назвалъ я Судьбой.
Я самъ — Цирцея, зачарованъ
Самимъ собой, самимъ собой.

5.

ЗАВѢТНАЯ ПѢСНЬ.

Какъ надъ моремъ летятъ облака,
Такъ надъ вѣчностью мчатся вѣка.
И проходятъ, уходятъ, и снова спѣшатъ
Роковой ускоряя возвратъ.

Только тотъ, кто не спитъ, кто вступилъ въ до-
говоръ

Съ неизбывными духами горъ,
И глубокихъ морей, и безкрайныхъ равнинъ
Будетъ въ мѣрѣ не рабъ — властелинъ.

И предъ нимъ разомкнется отеческій кругъ
Зачарованныхъ встрѣчъ и разлукъ.
И онъ будетъ безпечень и вѣчень, какъ свѣтъ,
Улыбаясь теченію лѣтъ.

Р И М Ъ.

Вячеславу Иванову.

1. NOX SIBYLLINA.

**Вѣчный Городъ новыхъ откровеній,
Нищихъ стогнь и царственныхъ палатъ,
Непоколебимыхъ преступленій,
Мировыхъ стяжаній и утратъ.**

**Сколько разъ, въ твоей ночи блуждая,
Я внималъ изъ лабиринта сновъ,
Какъ растутъ, волненье порождая,
Вихри отзвучавшихъ голосовъ.**

Словно изступленные сивиллы,
Преодолевая сны руинъ,
Размыкаютъ скованные силы
Лихорадочныхъ долинъ.

Чуждые смѣются въ нишахъ боги,
Чудится журчаніе наядъ —
Куполы торжественны и строги,
Въ небеса кристальные глядятъ.

Прихотливы, вѣщи, мрачны, странны
Лики потаенныхъ площадей...
Брызнуть струи звонкаго фонтана,
Словно слезы изъ очей,

И тогда, у двойственныхъ предѣловъ,
Выступить изъ темноты, какъ встарь,
Въ синихъ рощахъ замокъ Тамплиеровъ
Или митраическій алтарь.

Только раннимъ утромъ на колоннѣ
Ты увидишь Вѣщую Жену —
Приснодѣва въ заревой коронѣ
Помираетъ змія и луну.

2. ОФОРТЪ.

Здѣсь пастухъ играетъ на свирѣли,
Древней пѣсни позабывъ слова,
Сквозь развалинъ призрачныя щели
Пробивается трава.

Тонкорунныя пасутся козы
И глядятъ глазами злыхъ химеръ.
Цѣпкія колеблетъ вѣтеръ лозы.
На обломкахъ плитъ — S.P.Q.R.

Вдалекѣ, у строгаго портала
Пиній одинокая чета.
Что мелькнуло — тѣнь ли карнавала,
Или просто вздорная мечта?

Тамъ, подъ аркою, купцы иль маги?
Сухощавый, юный кардиналь
Въ раззолоченной, тяжелой колымагѣ
По булыжникамъ прогрохоталъ.

Улеглася пыль, и Латерана
— Радуйся! — поютъ колокола.
Дымный Весперь пьетъ струю фонтана,
И пророчить сонно мгла;

И какъ будто мѣдъ во мнѣ рыдаетъ,
Словно кто-то, въ стынущей тиши,
Остриемъ упорнымъ проникаетъ
Тонкій воскъ недрогнувшей души.

3. КОЛИЗЕЙ.

Все безпредметнѣй, все бѣлѣй,
Луной томимый, запредѣльный,
Развоплощенный Колизей
Въ ночи беззвѣздной и безцвѣльной.

Здѣсь кровью изошла мечта
О мирѣ царства мірового.
Стою одинъ въ тѣни креста,
Наслѣдникъ ужаса былого.

Возставшій въ небѣ Дискоболь
Швырнетъ въ мой крестъ луною мѣдной,
И отзовутся холмъ и доль
Осанной демоновъ побѣдной;

Совиный вспль и лисій лай,
И вой встревоженной волчицы...
Все замерло; лишь неба край
Смущаютъ бѣглыя зарницы;

Лишь чудится — среди разрухъ,
Полусмѣсившись съ рыжей глиной,
Отсталый демонъ или духъ
Встаетъ ослабленной руиной.

Вдали, надъ морокомъ тѣней,
Тамъ, надъ ареною позорной,
Какъ бы побѣднѣй и яснѣй
Сіяетъ крестъ — нерукотворный.

4. ВИЛЛА ФАРНЕЗИНА.

Воздухъ полонъ голубиныхъ крылій.
Такъ лазурь чиста и глубока!
Облака легчайшія проплыли,
Облака.

Или съ плечъ улыбчивой Киприды,
Голуби, слетѣлись вы ко мнѣ?
Чтобъ душа забыла всѣ обиды,
Отдалась нечаянной веснѣ,

Чтобъ она неслась стезей прозрачной,
Изошла бы пламенной грозой,
Тамъ надъ рощей миртовой, брачной
Просіявшею красой.

АНКОНА.

Оранжевый парусъ — въ поль-небосклона —
Дискъ лучезарный дня сокрылъ.

И я увидѣлъ тебя, Анкона,
При первомъ блескѣ вечернихъ свѣтилъ.

Тамъ, надо мною, янтарно-лиловый
Пологъ блѣднѣлъ небесной парчи.
И городъ мерещился средневѣковый,
И въ стеклахъ собора умирали лучи.

И въ каменныхъ доспѣхахъ молодой Кондоттьере
На гранитной гробницѣ въ притворѣ лежалъ.
А вокругъ романскіе грозили звѣри —
Оскаломъ клыковъ, остріями жалъ.

О, блаженство почить пораженному рокомъ,
— Ничего не надо, никого не жаль —
Въ приморскомъ соборѣ на холмѣ высокомъ,
Гдѣ лампы колеблетъ Адри маэстраль.

Осушивъ до дна безнадежности чару,
Съ улыбкой предсмертной глядѣть — какъ
скользятъ

Огромный оранжевый парусъ
Къ закатнымъ садамъ Гесперидъ.

ПЕТРАРКА.

Е. В. Аничкову.

91
Ни да, ни нѣтъ. Одинъ на грани двухъ временъ.
Ужъ посѣтила смерть апрѣльскую долину
И голосъ Туллія померкнулъ. Къ Августину
Склонился гордый духъ, безсмертіемъ смущень.

Лаура вышняя не вземлетъ паладину,
И лавры поразишь стигійскій древній сонъ.
Гдѣ Капитолій, Римъ, восторгъ и плескъ племень?
Все низвергается въ беззвѣздную пучину.

Чрезъ сотни лѣтъ, одинъ, на грани двухъ временъ,
Стою, охваченный сомнѣньями, какъ онъ.
О, Боже, истина и красота — одно ли?

Ни да, ни нѣтъ... И я-ль въ напѣвы претворю
Стенанья скрытыя? — Я жду въ моей юдоли
Тріумфа Вѣчности. Предчувствую зарю.

ПОДРАЖАНІЕ «ПѢСНИ ПѢСНЕЙ».

Подоприте, яблони, меня,
Поддержите, травы полевья.
Жаломъ уязвленная огня,
Слышу колесницы боевья,

Храпъ коней и пламенную рать,
И трубы разгнѣванной призывы.
И хочу, и не могу бѣжать,
Вѣютъ, вѣютъ огненные гривы.

Только душный хмѣль садовъ Твоихъ
Вкругъ меня и смертное томленье.
Гдѣ Ты, повелитель и женихъ?
Только вихрь кружится въ отдаленьи!

Я-ль пойду, блуждая, какъ во снѣ,
Древнею дорогой безотрадной.
Тонкій пепель палъ на сердце мнѣ,
Волосы развѣялъ вѣтеръ прохладный.

Въ вертоградъ Вышняго Отца,
Знаю, знаю, ждетъ меня любимый.
Кто связалъ и развязалъ сердца,
Кто горить и жжетъ — неопалимый.

Жажду, жажду огненнаго дня,
Размыкаю дали голубыя...
Подоприте, яблони, меня,
Поддержите, травы полевыя.

Л. М. Роговскому

Не говори о страшномъ, о родномъ,
Не возмущай мои тысячелѣтья,
Еще болѣю повседневнымъ сномъ,
Котораго не въ силахъ одолѣть я.

Въ душѣ вскипаютъ сонные ключи
И леденѣютъ водопады,
А жизнь мерцаетъ тусклостью свѣчи
Въ развершіяся мириады.

Такъ средь азійскихъ кочевыхъ племенъ,
Плѣненному нарѣчіемъ гортаннымъ,
Заложнику пѣвучій снится сонъ
О языкѣ родномъ и богоданномъ.

РЕКВИЕМЪ.

Да, душны дни, а ночи тупы.
Лишь разумъ, кропотливый кротъ,
Ходы подземные ведетъ.
Къ чему? О не дрожите губы,
Умолкни оскверненный ротъ!

Въ твоємъ молчаньи непритворномъ
Пророческій услышатъ зовъ.
Будь гробомъ и простымъ и чернымъ
Среди повапленныхъ гробовъ.

ЭДЕМЪ.

1.

Когда въ изнеможеніи лежитъ
Весь міръ и ты, и все, что сердцу мило,
И поглощаетъ мракъ оледенѣлый
Пожарища, въ тотъ предразсвѣтный часъ

Смываютъ воды новаго потопа
Твои дѣла.

И утромъ ты увидишь
Средь облаковъ, на небѣ бездыханномъ,
Архангела съ пылающимъ мечемъ.
О, какъ печалень взоръ неумолимый,
Стоящаго на стражѣ у дверей
Земного Рая...

2.

Вокругъ земли я помню океанъ,
Гдѣ вѣчно волны катятся, рыдая,
И развѣ птица крикнетъ, пролетая,
О тишинѣ обѣтованныхъ странъ.

И средь валовъ въ неумолимомъ танцѣ
Прносятся обманчивой чредой
Зловѣщіе Летучіе Голландцы.

Лишь разъ въ сто лѣтъ за призрачной чертой,
Когда яснѣютъ очи океана,
Видна страна, свѣтла и осіянна.

Тамъ тишина, какъ дѣвушка, вздыхая,
Рукою любящей корабль обниметъ твой.
И вдругъ поймешь — се ангель огневой
Мечъ опустилъ предъ древней дверью рая.

О жизнь, безцѣльный подарокъ!
Путей не найти назадъ.
Только безжалостныхъ парокъ
Дрожащія прялки жужжатъ.

Иль въ эти суровыя нити,
Въ пряжу медлительныхъ дней
Вплету огневая нити
Воли моей?

Дважды дано намъ родиться!
Какъ мнѣ дрему земли побороть?
Къ формѣ, что мыслить Господь,
Духъ возмущенный стремится.

Шестикрылая мучить душа
Безнадежно двурукое тѣло.
Дальнозоркое сердце, спѣша,
Покидаетъ родные предѣлы.

Разумъ мѣрять вседневный обманъ;
Прорастаетъ сознаніе глухо.
Только знаю — придетъ Іоаннъ,
Переставитъ свѣтильники духа.

САДЫ ГЕСПЕРИДЪ.

Страна, гдѣ древній стережетъ драконъ
Запретные плоды, гдѣ длится сонъ
Любовниковъ развоплощенныхъ,

Окружена кольцомъ ревнивыхъ водъ
Изъ памяти смущенной возстаетъ;
И слышу лепетъ волнъ безсонныхъ,

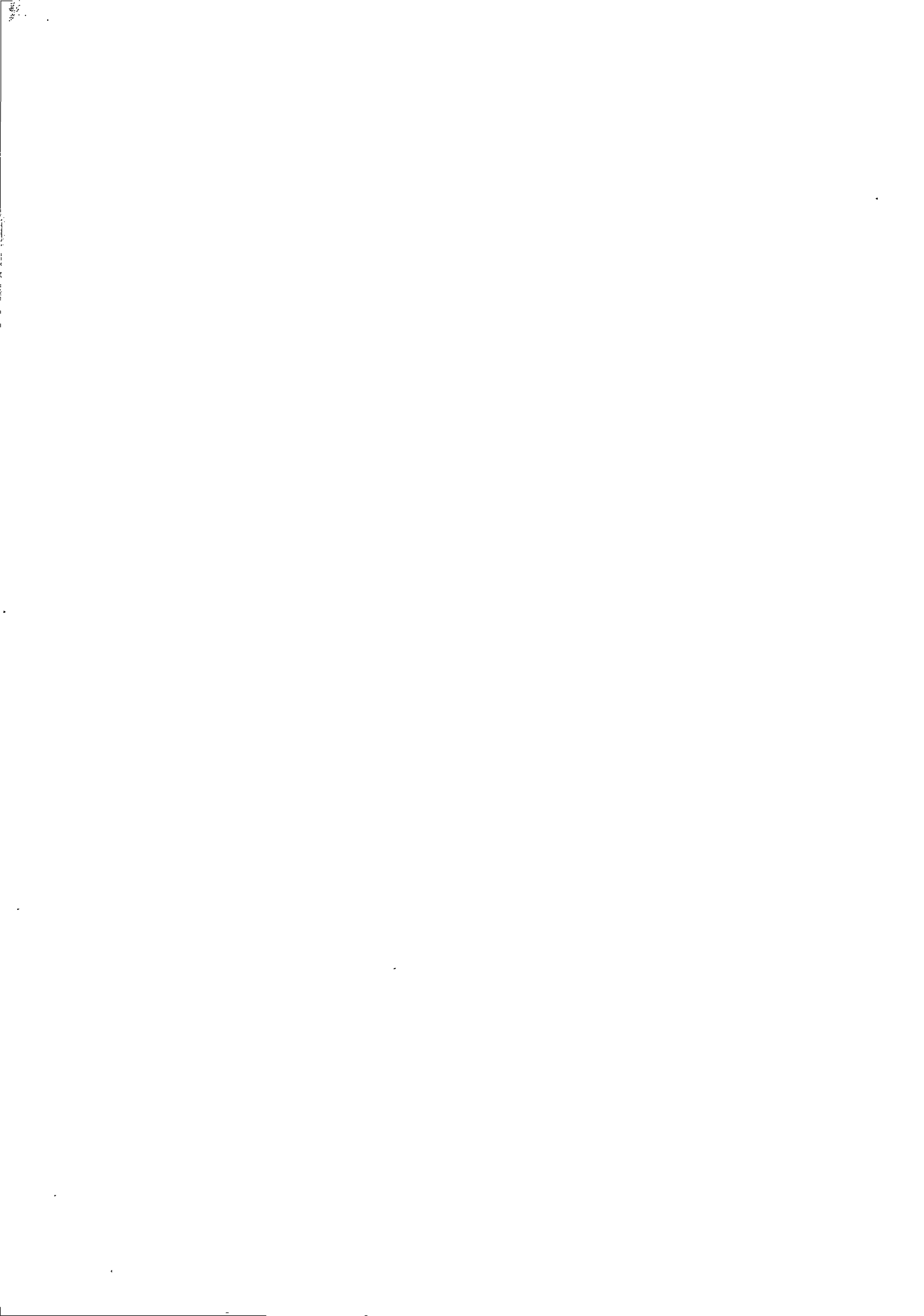
И вижу тѣни свѣтлыхъ колоннадъ,
Пылающій, торжественный закатъ,
Садовъ вечернихъ очертанья.

О сколько разъ я жилъ и умиралъ,
О сколько разъ, безсильный, забывалъ
Перстовъ легчайшее касанье.

Созданья странныя, опять меня
Дыханьемъ опаляете огня,
Даете мнѣ плоды златые.

Пріемлю ваши страшные дары,
Пріемлю сладость жертвенной игры,
И ваши страсти родовыя.

11

JARDIN DE LUXEMBOURG

Гдѣ фуксіи лиловыя цвѣтуть
И тихо падаетъ широкій листь платана,
Гдѣ шествіе торжественныхъ минутъ
Замедлено у Медичей фонтана,

Осеннихъ водъ нѣмыя зеркала
Колеблетъ стонъ свирѣли потаенной
И зыбкихъ нимфъ пугливыя тѣла
Привидятся въ аллеѣ обнаженной.

Порою слышится далекій легкій смѣхъ
И промелькнутъ трагическіе боги.
Діонисійскій попирая мѣхъ,
Танцуетъ Вакха спутникъ козлоногій.

Такъ и душа моя, сообщница харить,
Окружена багрянороднымъ тлѣньемъ,
Собой пьяна, танцуетъ и пьянитъ
Осенній міръ божественнымъ волненъемъ.

И людямъ кажется — ея мелькаетъ тѣнь
За Люксембурга стройною оградой,
Когда октябрскій почиетъ день
И дышитъ ночь трезвѣющей прохладой.

НОЧНЫЕ ГОЛОСА.

1.

И я и ты — какая ложь;
Какая ложь.
Изъ сердца черного встаетъ
Какая злая тѣнь
И вотъ себя не узнаетъ
И меркнетъ день.

Мерцанье страстное тоски,
Движенье блѣдное руки,
Потомъ зыбучіе пески,
Горючіе пески.

И тамъ надъ ними, какъ всегда,
Въ зенитѣ льдистая звѣзда,
И отраженный свѣтъ,
Сходя къ земнымъ, томить, поетъ.
Себя въ себѣ не узнаетъ
И снится скрытымъ сномъ.

Любви все нѣтъ, любви все нѣтъ
И лишь Денницы ясный свѣтъ
Въ эфирѣ ледяномъ .

2.

Нѣтъ любви, а только жалость,
Только жалость и усталость,
Только ночи тѣнь.

Все прошло, все миновало.
Даже сердце бьется вяло,
Не торопить день.

Такъ идемъ ночнымъ Парижемъ
И не видимъ, и не слышимъ
Призрачныхъ людей.

Только снится домъ бездомный,
Только мнится гробъ огромный
Въ сердцѣ площадей.

И по улицамъ отпѣтымъ,
Какъ туманъ струится Лета,
Гасить фонари,

Гробъ стеклянный обтекаетъ,
Гдѣ двойникъ мой почиваетъ
До зари.

МОНТМАРТРЪ.

Мельницы лживый скелетъ
Вялыми машеть руками.
Желтый колеблется свѣтъ,
Стынетъ подъ фонарями.

Дай-ка заглянемъ въ кабакъ.
Пѣсенки, вѣрно, все тѣ же.
Красный фригійскій колпакъ
Публику сонную тѣшитъ.

Лишь безобразный соборъ,
Тамъ, на холмѣ величавомъ,
Смотритъ спокойно въ упоръ
Въ очи померкнувшимъ славамъ.

Уличекъ узенькій бредъ,
Нищенскій шопоть унылый...
Встрѣтитъ туманный разсвѣтъ
Утра слѣпое свѣтило.

Здѣсь грезить мѣръ. Мнѣ снится тотъ же сонъ
Любовникамъ въ объятяхъ сонной нѣги
Такъ чудятся, за полнотой времянь,
Зеркальныя, утраченныя рѣки.

Завороженъ осенней дремой садъ,
Сроднившійся съ моимъ воображеньемъ
Я создалъ души трепетныхъ дріадъ,
Я посвященъ въ ихъ тайныя служенья.

Природы вѣченъ животворный сонъ.
Печальной радостью меня порадуй!
Уже цѣлуетъ первый Аквилонъ
Обвѣтренныя губы статуй.

И облаковъ торжественный полетъ,
И борода всклокоченная Пана,
И пастуховъ козлиный хороводъ
Во мнѣ живутъ, моимъ восторгомъ пьяны.

Версаль, 1930.

НА СМЕРТЬ ФОША.

Мърень и четокъ шагъ.
Франція, плачь!
Ниспадають флаги во мракъ
Съ высоко вознесенныхъ мачтъ.

Желто-лиловый флеръ
Тумана все тяжелѣй,
Словно медлительный хлоръ
Съ опустошенныхъ полей.

Только подъ аркой нѣмой,
Тамъ, гдѣ не видно ни зги,
Вспыхиваютъ порой
Пламенные огоньки.

Смолкли трубы побѣдъ.
Бей, барабанъ!
Струится кровь лѣтъ
Изъ открывшихся ранъ.

Почій, одинокій вождь
Огненныхъ, страшныхъ дней...
Мелкій тревожный дождь,
Сонъ Елисейскихъ Полей.

МЕЛАНХОЛІЯ.

На мотивъ изъ Альбрехта Дюрера.

Георгію Раевскому.

И ножъ зазубрился, и циркуль сломанъ.
Заржавѣль гвоздь, бозмолвствуетъ топоръ.
И цеховъ радостный умолкнулъ гомонъ,
И недостроенный стоитъ соборъ.

О преткновенія равносторонній камень!
О равенствіе.

А на морѣ, вдали,
Надъ мертвой зыбью раздается Amen
Но парусамъ не вѣрятъ корабли.

Нѣмотствуютъ таблицы тайныхъ знаковъ,
И червь грызетъ пергаментъ вѣщихъ книгъ.
Лишь тамъ, гдѣ нѣкогда вселенской славой
Сіяла сладострастная Венера,
Мерцаешь ты, вечерняя звѣзда.
Твой отдаленный обликъ порождаетъ
Высокое бездѣйствіе въ сердцахъ.

О Меланхолія! Въ вѣнкѣ изъ блѣдныхъ маковъ
Здѣсь на землѣ твой дѣвственный двойникъ,
—Въ одеждахъ бѣлыхъ юная химера —
Очами полыми глядитъ туда,
Гдѣ пролетаетъ нетопырь костлявый.
И на его готическихъ крылахъ
Твое святое имя прославляетъ
Магическая надпись...

ОТЕЦЪ.

Мнѣ часто снится тотъ же вѣщій,
Мучительный, послѣдній сонъ.
Вокругъ меня безмолвье плещетъ —
Я въ душномъ склепѣ погребенъ.

Лежу бездольный, безучастный;
Лишь кажется — на краткій мигъ --
Склоняется суровый, властный
Отеческій печальный ликъ.

«Отецъ, Отецъ, передъ тобою
Твоей любви извѣчный плодъ.
Ты жертву предпочелъ покою
И созданъ этотъ душный сводъ».

И сердце мертвое томится
Любовью смертной и тоской,
И хочетъ вспыхнуть и забиться,
Отвергнуть призрачный покой.

И въ нестерпимой безднѣ свѣта
Все ближе скорбные глаза,
И падаетъ на сердце это
Животворящая слеза.

КЪ ВЕЧЕРНЕЙ ЗВЪЗДЪ.

Поляны мглистая
Блестить слюда.
Вверху лучистая
Горить звѣзда.

Сквозь нѣгу сонную
Смутныхъ вѣтвей
Ты благосклонную
Печаль навѣй.

Уже склоняешься
Тиха, бѣла.
Едва касаешься
Вѣтвей, ствола.

Да, я былъ пламенный,
Да, я былъ твой,
Неотуманенный
Скорбью земной.

И что мнѣ осталось
Отъ огненныхъ сферъ?
Только боль и музыка
Твоя, Люциферъ.

И силы забвенія
Въ душой моей нѣтъ,
А пути искупленія —
Милльоны лѣтъ.

О если бь именемъ
Продвѣсть инымъ,
Радостнымъ пламенемъ,
Не моимъ, не твоимъ.

Бѣглою зарницею
Небо обнять,
Непорочной денницею
Вспыхнуть опять!

КЪ ДЕМОНУ.

Предвѣчный братъ, ты грустью небывалой
Миръ опьянилъ.

Предвѣчный братъ, ты вспыхнешь розой алой
Въ сердцахъ свѣтилъ!

Прекрасенъ ты, какъ первозданный вечеръ,
Ущербенъ, свѣтель, тихъ,
И какъ альпійскій непорочный глетчеръ
Превыше дѣлъ земныхъ.

Но иногда космическою бурей
И огненной тоской
Ты нарушаешь древній сонъ лазури,
Ведешь неравный бой.

И вновь, мечомъ пронзенный серафима,
Ты падаешь во тьму.
Пройти ли мнѣ въ смертельномъ страхѣ мимо?
Нѣтъ, я приму

И боль, и стыдъ, и непокорный геній,
Огонь и ледъ
Твоихъ путей, дерзаній и паденій
И роковыхъ свободъ.

И только я любовью невозможной
Къ тебѣ, мой братъ,
Порву твой кругъ томительный и ложный,
Открою путь назадъ.

Напрасно ты склонился къ изголовью
Въ моемъ смущенномъ снѣ —
О жертвенною вспыхнешь ты любовью
Къ себѣ, ко мнѣ!

Все, что томило, пѣло и мерцало,
Распявъ сердца,
Тогда надъ міромъ вспыхнетъ розой алой
Въ садахъ Отца.

СЕРДЦЕ.

Пожалѣй, о, сердце, пожалѣй
Безнадѣжный призракъ мирныхъ дней.
Ты волны ликующей вольнѣй!

Солнцемъ ли, иль блѣдною луной
Твой нарушенъ горестный покой?
И само не знаешь, что съ тобой.

О, скажи, куда меня влечешь?
И какую освящаешь ложь?
На тебя давно я не похожъ.

Я смотрѣлъ, расчетливый мудрецъ,
На поля, гдѣ сѣятель и жнецъ,
На стада покорныя овецъ,

И труды, и радости, и сны
Были мнѣ прозрачны и ясны,
Словно глубь морекой голубизны.

А теперь — все пѣнье, все полеть.
И потерянь въ безднѣ вѣрный лотъ,
Въ океанѣ тонетъ жалкій плотъ.

И какъ огненный, эдемскій мечъ,
Изъ меня встаетъ до неба смерчъ,
Чтобы узы смертныя разсѣчь.

О какъ обширенъ міръ и какъ жестокъ мой плѣнъ,
Стѣсненный нѣгою недрогнувшихъ колѣнъ.

Другіе видятъ даль, зеленя моря,
Имъ предвѣщаетъ путь безсмертная заря,

И слышатъ какъ поетъ небесъ полночныхъ синь,
И диѳирамбы водъ, и голоса пустынь.

А мнѣ все видится въ объятяхъ душныхъ сна
Лишь тѣла дремнаго упругая волна,

Лишь медъ и золото распущенныхъ волосъ.
И запахъ сладостный мнѣ снится лунныхъ розъ,

И отраженный міръ, и опьяненный стихъ
Въ холодной синевѣ дневныхъ очей твоихъ.

Засыпаю съ болью о тебѣ,
Просыпаюсь съ болью обо мнѣ,
И совсѣмъ моя ты лишь во снѣ,
Лишь въ текущемъ и невѣрномъ снѣ.

Какъ противиться земной судьбѣ?
Вѣрно сбудется, что суждено,
Мѣрно крутится веретено —
Три сестры склонились въ тишинѣ.

Или алая порвется нить,
Чтобъ отъ тѣла насъ освободить,
Чтобы въ синемъ пламени свѣтилъ
Насъ уже никто не разлучилъ.

Вокругъ волосъ твоихъ, янтарнѣй меда,
Уже давно мои витають пчелы.
И сладостная тихая дремота
Нисходитъ въ опечаленные доли.

И золотая, юная комета
Тамъ, въ небесахъ, яснѣющихъ, пылаеть.
Душа плыветъ въ волнахъ эфирныхъ свѣта,
Въ твой сонный мѣръ незримо проникаеть,

И мы плывемъ — легчайшее видѣнье —
Очищенные огненною мукой,
Какъ двѣ души предъ болью воплощенья,
Передъ земною страшною разлукой.

УЛЫБКА СВЯТОЙ АННЫ.

Исходитъ сномъ ломбардская страда, —
Отъ синихъ чашъ опаловые дымы
Зубчатые сокрыли города,
И облики земли неуловимы.

И въ этой дремѣ полдня голубой
Мнѣ снится ликъ мучительный и странный —
Какъ Леонардо, вижу предъ собой
Улыбку скрытную блаженной Анны.

Двухзначущая въ глубинѣ таить
Уступчивой Киприды обѣщанье,
Въ ней сладострастье огненное спить
И ангельской любви обѣтованье.

Пронзаетъ тѣло радостная дрожь,
Мои уста змѣить улыбка рая,
И чувствую — земная меркнетъ ложь,
И вѣрую, душой не постигая,

Что каждый мигъ моей любви святѣй,
И въ грѣшной нѣгѣ смертнаго объятья —
Предчувствіе божественныхъ страстей,
Улыбка Непорочнаго Зачатья.

СВЯТАЯ КЪЯРА.

Юдоли опочили чары,
Любовью вышней грудь полна.
Лишь нѣжный голосъ свѣтлой Къяры,
Какъ лютни ангельской струна.

И снится лѣтняго Ассизи,
Вечерній сладостный покой,
Въ алмазной непорочной ризѣ
Небесный пологъ голубой.

Все отошло, все отступило,
И стыдь, и страсть, и страхъ суда.
Такъ не пылало. не любило
Земное сердце никогда.

И весь тернистый и смиренный
Встаетъ недолгій путь земной.
Бракъ освящается нетлѣнный
Неопалимой Купиной.

Горѣ моленій ароматы,
Почила грѣшная мечта.
Горятъ кровавые стигматы,
Какъ розы райскія Христа.

Только боль, только сонъ. И къ чему всѣ страданія
эти?

Забываю себя, опускаюсь на самое дно
Небывалыхъ морей, гдѣ въ томительно-призрачномъ
свѣтѣ

Голубое руно.

Голубое руно золотистыхъ волосъ оплетаетъ,
И недвижно покоюсь во влажно-текучемъ бреду,
И какъ пестрыя рыбы, недѣли и годы мелькаютъ,
Я себя потерялъ и тебя не найду,

И тебя не найду. Только будетъ по прежнему сниться
Колыханье, мерцанье, пучины прохладное дно,
Только зыбкихъ волосъ, гдѣ текучая прелесть таится,
Голубое руно.

На Востокъ отъ солнца, на Западъ отъ луны
Мои блаженные безсмертные сны.

Безсонный вѣтеръ мнѣ дуетъ въ лицо.
Подъ плащемъ таю золотое кольцо.

Мерцаетъ въ немъ древній лунный опаль,
Свѣтъ его блѣдный — тысячи жалъ.

И то же сіянье въ глазахъ твоихъ
Медлитъ и нѣжитъ, какъ медленный стихъ.

Зеленая, злая восходитъ звѣзда,
И знаю, я твой, навсегда, навсегда;

Лишь въ сердцѣ безсмертномъ струятся сны —
На Востокъ отъ солнца на Западъ отъ луны.

АРХАНГЕЛЬ МЕРИДІАНА.

Водитель звѣздныхъ іерархій,
Мечтою дерзкой незведенный,
Въ плъву у изменныхъ стихій,
Мертвѣющимъ камнемъ облаченный,

Ты древній сторожишь соборъ,
Тысячелѣтняя нирвана
Несетъ въ безвременный просторъ
Архангела Меридіана.

Тебя бѣжитъ полудня бѣсъ,
И тать полуночный не воленъ
Смутить коллоквиумъ небесъ
И островерхихъ колоколенъ.

Ущербный дискъ земныхъ временъ
Въ рукахъ ты держишь онѣмѣлыхъ.
Двухъ крыльевъ снится райскій сонъ —
Надломанныхъ и лунно-бѣлыхъ.

Какая мощь, какая боль!
Но въ этомъ жертвенномъ безсилѣ
Огнемъ пронизана юдоль
И вѣютъ огненные крылья,

И меркнетъ, меркнетъ смертный страхъ,
Полуденная въ сердцѣ рана,
И роза въ голубыхъ рукахъ
Архангела Меридіана.

Шартръ, 1932.

•

Когда сойдетъ огонь лазури
На обнаженныя сердца,
Въ алмазномъ токѣ звѣздной бури,
Въ одеждѣ пламенной жреца,

Я встану надъ самимъ собою
И опочившій мой двойникъ
Эфирнымъ саваномъ закрою,
Чтобъ не увидѣть тлѣнный ликъ.

И долго въ странствіяхъ духовныхъ
За тонкою чертою дней
Мнѣ будетъ сниться братъ мой кровный,
Истаявшій среди тѣней.

За это одиночество
И эту тишину
Отдамъ я всѣ пророчества
Сердечную весну,

И полдня прелесть сонную,
И тѣла древній хмѣль,
И полночи влюбленную
Двужалую свирѣль.

Томленье недостойное
Я въ сердцѣ побѣдилъ,
И слушаю спокойное
Теченіе свѣтилъ.

Къ чему любви пророчества,
Душа, какъ сны, вольна.
Такое одиночество,
Такая тишина.

ОГЛАВЛЕНІЕ

	стр.
Предисловіе	5
I.	
Пепельь	17
Стансы	18
Гриваль въ Пятигорскѣ	19
Бѣжить ковыль, трепещуть травы	20
Древній помѣщичій садъ	21
Все тѣ же сны во тѣмѣ пресущевленія	22
Нонны	23
Осень	26
Д а л м а т и н с к і й ц и к л ь	
1. Вѣрь	27
2. Элегія	30
3. Послѣ грозы въ Дубровникѣ	31
4. Цирцея	34
5. Завѣтная мѣсяць	35
Р и м ь	
1. Nox sibyllina	36
2. Офортъ	38
3. Коллизей	40
4. Вилла Фарнезина	42

Анкона	43
Петрарка	44
Подражаніе «Пѣсни Пѣсней»	45
Не говори о страшномъ, о родномъ	47
Реквиемъ	48
Э д е м ъ	
1. Когда въ изнеможеніи лежитъ	49
2. Вокругъ земли я помню океанъ	50
О жизнь, безцѣльный подарокъ	51
Шестикрылая мучить ду—а	52
Сады Гесперидъ	53

II.

Jardin de Luxembourg	57
Н о ч н ы е г о л о с а	
1. И я и ты — какая ложь	58
2. Нѣтъ любви, а только жалость	59
Монтмартръ	60
Здѣсь грезить мѣръ. Мнѣ снится тотъ же сонъ	61
На смерть Фо—а	62
Меланхулія	63
Отець	65
Къ вечерней звѣздѣ	66
Къ Демону	68
Сердце	70
О какъ обширенъ мѣръ и какъ жестоко мой плѣнь	71
Засыпаю съ болью о тебѣ	72
Вокругъ волосъ твоихъ, янтарнѣй меда	73
Улыбка святой Анны	74
Святая Къяра	75
Только боль, только сонъ	76
На Востокоъ отъ солнца, на Западоъ отъ луны	77
Архангелъ меридіана	78
Когда сойдетъ огонь лазури	80
За это одиночество	81